

Объяснение кризиса капитализма — вопросы и ответы

Газета Socialist Worker, печатный орган Социалистической рабочей партии, крупной леворадикальной организации Британии, отвечает на вопросы, возникшие после краха ведущих инвестиционных банков и начавшейся паники на мировых рынках.

В чем причина нынешнего кризиса банковской системы?

Кризис уходит корнями в американский рынок высокорискованных ипотечных кредитов, коллапс которого более года назад положил начало кредитному кризису. Этот рынок разрастался по мере того, как кредиторы гонялись за новыми клиентами, которым можно было бы предоставить ипотеку. Они сделали ипотечные ссуды доступными для людей с низким кредитным рейтингом или с низкими доходами и при этом давали их под грабительский процент. Это означало, что люди влезали в долги, оплатить которые они были не в состоянии. Рынок начало лихорадить, когда стало ясно, что люди не способны выплачивать ипотечные ссуды. Но безвыходная задолженность затронула не только тех, кто непосредственно выдавал ипотечные займы. Он повлияла на всю мировую финансовую систему из-за «вторичного рынка» ипотечной задолженности. Ипотечные долги обращались в облигации, которые покупались и продавались другими финансовыми институтами, а трейдеры и банки спекулировали на

стоимости этих ценных бумаг.

Когда в прошлом году люди перестали выплачивать ипотечные ссуды, то стало ясно, что эти ценные бумаги были гораздо более рискованным инвестированием, чем многим казалось прежде. Но, поскольку ипотечные долги обращались в ценные бумаги и перепродавались дальше, никто не был достаточно уверен в том, где эти безнадежные долги заканчиваются и насколько они велики. Банки приостановили взаимное кредитование из опасения, что вообще не получат свои деньги обратно. Это породило кредитный кризис: банки, еще недавно с легкостью предоставлявшие кредиты друг другу, внезапно перестали это делать.

Банки занимают и ссужают друг другу деньги в форме краткосрочных займов, что является их обычной практикой. Некоторые банки, например Northern Rock, полагались в своей работе на эти краткосрочные заимствования больше, чем на традиционные средства — вклады на сберегательных счетах клиентов. Когда предоставление займов прекратилось, Northern Rock оказался на грани краха. В 2007 г. британское правительство вмешалось и национализировало его. Спекуляции подлили масла в огонь. Когда инвесторы и трейдеры потеряли уверенность в своем выборе, они стали переводить деньги в другие места, и многие, поддавшись панике, последовали за ними.

Вся ли вина за этот кризис лежит на спекулянтах?

Как только банки начали лопаться, мы стали свиде-

телями возмутительных случаев, когда люди наживали миллионы долларов на их банкротстве. Делалось это с помощью «коротких продаж»*. Трейдеры, часто работающие на скрытые финансовые группы, называемые *хеджевыми фондами*, приобретают акции «взаимы» на некоторое время. Затем они продают их, рассчитывая, что цена упадет, а позже выкупают по более низким ценам, кладя разницу себе в карман.

Даже в игорном доме, который называется «фондовой биржей», подобное жульничество осуждается. Поэтому правительство запретило эту практику для определенных акций на короткий срок. Неслучайно Карл Маркс назвал финансовую систему «одним из наиболее эффективных средств кризисов и надувательства».

Например, *инсайдерские сделки* незаконны. Но заблаговременная информация о том, что компания собирается сделать позитивное или негативное заявление, и, следовательно, информация о том, покупать или продавать ее акции, очень выгодна. Одно исследование 172 слияний на американской фондовой бирже установило, что инсайдерские сделки имели место во всех этих случаях.

Но причина кризиса не просто в деятельности нескольких жуликоватых трейдеров. Его причина заключается в самой природе финансовой системы.

*Термины, выделенные курсивом, см в глоссарии.

Банк HBOS оказался в тяжелом положении в сентябре 2008 г. из-за собственных огромных долгов, а не из-за «коротких продаж». Только 3% акций банка, по которым совершались сделки в день его краха, имели отношение к «коротким продажам».

Могут ли центральные банки спасти рынок?

Правительство США согласилось выкупить безнадежные долги. Это раздует бюджетный дефицит до огромных размеров, а также подорвет возможности США по осуществлению такого масштабного вмешательства в будущем, если рынки снова начнут падать.

Нам заявляли, что вмешательство американского правительства сработало, когда оно выделило финансовую помощь крупнейшим страховым компаниям в начале 2008 г. То же произошло снова, когда правительство поддержало банк Bear Stearns в марте 2008 г., и еще раз, когда оно национализировало ипотечные гиганты Freddie Mac и Fannie Mae в сентябре 2008 г.

США, Британия и другие ведущие страны вбросили огромные количества государственных денежных средств в финансовую систему, чтобы банки смогли получить дешевые займы. Однако у подобной политики существуют пределы. Например, объем находящегося в обращении долга намного больше, чем стоимость продукции всей мировой экономики.

Нет никакой гарантии, что этими мерами можно добиться чего-либо, кроме краткосрочного роста цен

акций. Это просто бесплатная выдача фондовому рынку денег, которые, возможно, никогда не будут возвращены, если кризис продолжится. Такое уже было после биржевого краха на Уолл-стрит в 1930-е гг., когда правительство США проводило ту же политику, но рецессия набирала обороты.

Правительство Китая держит миллиарды долларов в американских государственных облигациях, и, должно быть, очень беспокоится по поводу их стоимости. Еще более важным является то, что правительство США потратило уже почти все, что можно.

Между тем, нет никаких признаков, что финансовые учреждения возобновят кредитование или инвестирование — они стараются сохранить наличность. А это уже угрожает другим секторам экономики.

В 1990-е гг. правительство Японии потратило огромные суммы, пытаясь изменить похожую ситуацию. В результате оно взвалило на себя огромную ношу обязательств по погашению долгов, что, в свою очередь, привело к десятилетию рецессии и стагнации.

Есть опасения, что «в оплату» за сдерживание немедленного краха, гигантская американская экономика обречена на более длительный кризис.

Коллапс могущественных американских инвестиционных банков — это еще один удар по финансовому доминированию Уолл-стрит.

Экономически ослабленные США остаются сильнейшей военной державой в мире, и в такой ситуации применять военную силу они могут еще более активно.

Почему государство вмешивается, чтобы спасти одни компании, а не другие?

В сентябре 2008 г. американское правительство несколько раз вмешивалось в попытке поддержать финансовые институты. Пример тому — решение правительства США взять под свой контроль ипотечные компании Fannie Mae и Freddie Mac. Кстати, ранее об этих компаниях говорили, что они «слишком велики, чтобы потерпеть крах». Но правительству не удалось помочь и другому гиганту, банку Lehman Brothers.

Правящий класс не знает, как реагировать на этот кризис. Он разделен разногласиями по этому вопросу и обеспокоен тем, каким образом крах банков повлияет на капитализм и на доверие обычных людей к системе.

Гордон Браун поддержал слияние двух британских банков — Lloyds TSB и HBOS. Банку HBOS нужно было занимать миллиарды фунтов в день для продолжения бизнеса, а сокращение объемов кредитования еще больше осложнило его работу. Правительство не могло рисковать крахом крупнейшего британского сберегательного банка. Каждая пятый ипотечный кредит в Британии выдан HBOS, и каждый десятый британец имеет счет в этом банке.

Будет ли государство выручать тот или иной банк - это зависит также от конкретной ситуации. Порой правящий класс считает, что система сможет пережить банкротство без серьезных ухудшения положения.

Государства вынуждены считаться со своими собственными долгами. От этого также зависит, смогут ли они себе позволить спасти ту или иную компанию. Кроме того, государственное вмешательство создает идеологические проблемы, поскольку национализация компаний бросает вызов неолиберальной идеологии, доминирующей в мире с 1980-х гг.

Но так как экономические спады являются неотъемлемой частью капитализма, правящий класс не способен полностью преодолеть их. А разногласия среди капиталистов означают, что последовательного решения нет.

Почему при капитализме существуют циклы экономических подъемов и спадов?

Хаос, который мы видим вокруг, — это всего лишь очередной капиталистический кризис. Мировая экономика пережила целую серию спадов за последние 35 лет, включая рецессии 1973, 1990–1993, 1998 и 2001–2002 гг.

Норма прибыли не смогла подняться до того уровня, на котором она была до кризиса 1973 г. Каждый раз, когда спад заканчивается, пророки свободного рынка уверяют нас, что все проблемы решены. Но с началом

новой рецессии они снова впадают в панику.

Причина циклов подъемов и спадов кроется в самой конкурентной и анархической природе капитализма. Поскольку единого плана для экономики не существует, каждая компания стремится захватить как можно большую долю рынка, производя больше товаров.

Это ведет к тому, что товаров производится больше, чем в них нуждаются, и они остаются непроданными. В результате прибыль падает, компании оказываются прижатыми к стенке, а рабочие — уволенными. У людей становится все меньше денег на покупку товаров, в результате кризис разрастается и начинается экономический спад.

Крах ряда компаний затем вновь приводит к оживлению на рынке, так как конкурентам достаются их оборудование и рынки.

В основе всего этого лежит фундаментальная проблема капиталистической системы — тенденция нормы прибыли к понижению. Карл Маркс установил эту тенденцию более 100 лет назад. Это не значит, что фактическая прибыль падает. Компании по-прежнему зарабатывают миллиарды, а многие увеличивают свои прибыли. Но норма прибыли на инвестированный капитал со временем имеет тенденцию к понижению.

Это происходит потому, что реальная стоимость создается трудом рабочих. Стоимость, которую люди

создают своим трудом, больше суммы, которую они получают в виде заработной платы. Следовательно, капиталист крадет часть стоимости, созданной трудом рабочего. Эта «прибавочная стоимость» является основой прибыли.

Под давлением конкуренции капиталисты стремятся урезать часть денег, которую им приходится вкладывать в рабочую силу. Вместо этого они инвестируют в новые технологии, что позволяет им меньше тратить на рабочих. Благодаря новым технологиям и оборудованию, они могут производить столько же или даже больше с меньшим числом работников. Конкуренция также означает, что они будут стремиться увеличить уровень эксплуатации рабочих, вынуждая их трудиться больше и за меньшие деньги.

Компании получают краткосрочную дополнительную прибыль за счет инвестирования в новые технологии, обогнав своих конкурентов. Но, когда другие компании тоже внедряют новые технологии, это преимущество исчезает, и боссы вынуждены искать новые способы увеличения прибыли.

Падающая норма прибыли постоянно вынуждает капиталистов искать новые способы получения денег. Они могут делать это, осваивая новые рынки или надувая спекулятивные пузыри. Благодаря этому можно поддерживать экономику на плаву и скрывать существующие проблемы. Но, поскольку кризисы неразрывно связаны с функционированием капитализма, эти проблемы обязательно всплывают в будущем.

Что такое финансовые рынки?

Говоря по-простому, финансовый рынок – это большое казино. Но он необходим для функционирования капитализма.

Капитализм — это система, в основе которой лежит конкуренция между компаниями с целью максимизации своих прибылей. Как правило, компании вкладывают часть прибыли в новое оборудование, стремясь таким образом обеспечить преимущество над своими конкурентами.

Но если у капиталистов нет возможности для немедленного вложения собственных прибылей, или если им необходимо вложить деньги, но у них недостаточно собственного капитала, банковская система, фондовая биржа и подобные учреждения могут обеспечить их средствами инвестирования.

Эти учреждения могут также найти применение прибыли других. Например, капиталист может хранить деньги на банковском счете, рассчитывая вложить их позже. Банк может ссудить эти деньги другим капиталистам, которые хотят использовать их сейчас.

Но финансовая система сама по себе также является источником нестабильности. Если происходит неожиданное падение нормы прибыли, или падает доверие к рынку, паника может быстро охватить всю систему.

В современном капитализме финансовые активы могут начать жить своей собственной жизнью. Возникают гигантские казино (Уолл–стрит или лондонский Сити), где богатые спекулируют на ценных бумагах, акциях, курсах валют и других инвестиционных инструментах.

Неолиберальное дерегулирование породило целую волну новых видов азартных игр в рыночном казино.

Фьючерсные контракты, например, подразумевают огромные ставки на то, какой будет цена товара в определенное время. Фьючерсы — это простейший пример *деривативов* — финансовых инструментов, чья стоимость является «производной» от других, более простых инструментов. Деривативы позволяют трейдерам делать сложные ставки на цены акций и облигаций, не владея ими. Теоретическая стоимость всех деривативов в конце 2007 г. составляла 596 трлн. долл.

Переплетение рынков объединяет финансовую систему на глобальном уровне. Но это также ведет к полному хаосу, как только ситуация ухудшается.

Один из примеров — рынок ипотечного кредитования, рухнувший в 2007 г. Вместо того, чтобы удерживать долговые обязательства и получать по ним выплаты процентов, ипотечные компании объединяли их и продавали в виде облигаций. Одни играли на стоимости этих облигаций, а другие страховали их перспективную стоимость («*дефолтные свопы*»).

Банкротство в сентябре 2008 г. Lehman Brothers, четвертого по величине инвестиционного банка США, повлекло за собой многомиллиардные выплаты страховых компаний держателям долговых обязательств.

Но, поскольку страховые соглашения в частном порядке перепродавались от одних учреждений другим, никто не имел ни малейшего представления о том, кто кому что должен, и сможет ли он вообще заплатить.

Коснется ли финансовый кризис других секторов экономики?

Экономика зависит от того, что происходит на финансовых рынках. «Реальная» экономика основана на разделении между рабочими и капиталистами. Капиталисты нанимают рабочих, выплачивают им зарплату, которая на самом деле значительно меньше той стоимости, которую они создают.

Карл Маркс называл финансовые рынки «фиктивным капиталом». Их функционирование не создает общественного богатства и не расширяет производство. Они являются игорным домом, в котором происходит передел прибылей, созданных рабочими, и, разумеется, финансовые рынки зависят от состояния реальной экономики.

Насколько бы ни была преувеличена заявленная цена акций, она зависит от уровня дивидендов,

прибыли. Если прибыль падает, фирма не может выплачивать дивиденды, и курс ее акций тоже падает.

Рыночная стоимость акций может на время взлететь значительно выше стоимости, определяемой реальной нормой прибыли. Это создает спекулятивный пузырь, который неизбежно лопнет.

У этого процесса есть серьезные последствия. Например, основные инвесторы хеджевых фондов — пенсионные фонды. Так что пенсии простых людей являются фишками, которыми играют спекулянты.

Дальнейший кризис финансового сектора возвращается в реальную экономику. Отсутствие кредитов ведет к банкротству компаний реального сектора, и не только банкиры теряют свои рабочие места.

Ну а каждый случай поддержки правительством падающего рынка означает передачу государственных денежных средств, которые можно было бы потратить на общественные нужды, капиталистам.

Как кризис повлияет на обычных людей?

Комментаторы считают, что мы накануне возвращения Великой депрессии 1930–х гг. Есть ряд схожих черт, например, роль, которую в этом кризисе сыграли спекулянты, и развитие ситуации с кредитами.

Но правда состоит в том, что никто не знает, столкнемся ли мы с драматическим кризисом в стиле 1930–х гг., или нас ждет еще более тяжелая и продолжитель-

ная рецессия.

Одно совершенно ясно — правящий класс сделает все возможное, чтобы заставить рабочий класс расплатиться за этот кризис, как это было в 1930–е гг. Мы уже стали свидетелями роста увольнений и безработицы. И еще большее количество рабочих мест оказывается под угрозой. Британский рынок недвижимости фактически впал в кому.

Кризис в финансовом секторе означает, что банки с гораздо меньшей охотой будут предоставлять кредит компаниям и частным лицам. Это будет иметь несколько последствий.

До недавнего времени экономика поддерживалась за счет наличия дешевых кредитов. Уровень зарплаты сдерживался, но люди, благодаря кредиту, имели возможность приобретать потребительские товары. Теперь это невозможно — вкупе с ростом стоимости жизни, ограничением заработной платы и страхом безработицы — люди стали меньше тратить. Это только усугубляет экономические проблемы.

Правительства же вкачивают миллиарды долларов в финансовый сектор, стремясь «смазать шестеренки» капитализма. Вдобавок к этому они спасают компании, если считают, что их крах негативно отразится на остальной экономике. Это приводит к росту бюджетного дефицита. Так, британский государственный долг вырос примерно на 87 млрд. ф. ст. после национализации банка Northern Rock. Теперь он составляет

43,3% национального дохода.

В то же самое время, растущая безработица означает снижение государственных доходов, полученных от налогов. Лейбористы и консерваторы попытаются сократить государственные расходы, чтобы справиться с бюджетным дефицитом. Под угрозой окажутся социальные услуги и пенсии. Частные компании постараются урезать расходы за счет пенсионных отчислений своим работникам.

Как простые люди могут этому сопротивляться?

Ключевой фактор, от которого зависит, как экономический спад повлияет на нас, — реакция самого рабочего класса.

Состояние растерянности — тоже результат мирового кризиса, но правительство может использовать ряд мер, способных смягчить последствия кризиса для простых людей, и мы должны потребовать осуществления этих мер.

Многие транснациональные корпорации продолжают наживать миллиарды, в то время как рабочие страдают. Энергетические компании оказались в центре внимания после того, как, подняв цены за электроэнергию, получили рекордные прибыли.

Правительство могло бы ввести налог на сверхприбыль. Эти средства пошли бы на субсидии низкооплачиваемым рабочим и льготникам, облегчив

для них последствия роста цен.

Правительство могло бы пойти дальше и ввести ограничение на рост цен за электроэнергию. Оно могло бы национализировать энергетические компании. Можно повысить налог на прибыль корпораций, чтобы увеличить возможности государства в борьбе с экономическим спадом.

Облагая налогами богатых и корпоративную прибыль, можно получать миллиарды долларов, и затем направлять их на муниципальное строительство и в сферу общественных услуг. Правительство могло бы также использовать эти деньги на повышение пенсий и предоставление льгот.

Мы должны потребовать, чтобы правительство сняло ограничение на рост заработной платы в государственном секторе, поскольку у миллионов работников зарплаты в реальном исчислении сокращаются, в то время как цены стремительно растут.

Необходимо организовать массовое сопротивление атакам капиталистов, как это происходило в 1930–е гг. Это подразумевает организацию людей против выселения из домов за неплатежи, захват фабрик и других мест работы при угрозе их закрытия, и усиление борьбы против договоров о зарплате, которая не покрывает инфляцию.

Экономический спад выдвигает на первый план нестабильность и безумие капитализма. Миллионы людей будут ставить под вопрос сами основы капиталистической системы. В этих условиях правящий класс попытается направить недовольство в безопасное для себя русло. Капиталисты постараются сделать «козлами отпущения» иммигрантов и безработных.

Чем более ожесточенной будет становиться конкуренция между капиталистами и буржуазными государствами, тем большей будет вероятность новых войн. Поэтому крайне необходимы объединение людей и коллективная борьба — как для того, чтобы остановить те разрушения, которые несет кризис, так и для того, чтобы отбить попытки сдвинуть общество вправо.

Достаточно ли одних реформ?

Экономические кризисы — неотъемлемая часть капитализма. Единственный способ положить им конец — замена анархической капиталистической системы демократической плановой экономикой, основанной на рабочем контроле, т.е. социализмом.

Но социализм не появится сам собой. Простые люди сами должны создать его.

Многие люди видят, что система работает не ради их блага, и особенно это становится ясно в такие времена, как сейчас.

Проблема в том, что мы воспитываемся в обществе, где господствует идея о том, что капитализм является единственно возможным способом человеческой организации.

Но тот же капитализм вынуждает людей сопротивляться. Борясь, рабочий класс обретает веру в собственные силы. Неожиданно люди понимают, что они могут то, что раньше считали невозможным: организуют ли они забастовку, выступают ли на митинге, или же агитируют других людей присоединиться к борьбе.

Борясь за перемены и ставя под сомнение капиталистические ценности, люди ниспровергают господствующую идеологию.

Революционеры борются за перемены по двум причинам. Прежде всего, мы искренне хотим этих перемен, мы хотим остановить приватизацию коммунальных служб, дать отпор расизму и расширить права рабочих. Все это означает важные изменения в жизни простых людей.

Но борьба за перемены также побуждает людей действовать, повышает их веру в собственные силы и ставит под вопрос сам капитализм.

Тот факт, что капитализм не способен дать того, в чем человек нуждается, означает, что многие люди будут радикализироваться и искать способ коренного изменения мира.

Чарльз Пост

Их кризис, наши выводы: повторение 1931 года?

Является ли банковский кризис концом капитализма, каким мы его знаем? Коротко говоря, нет. Капитализм не может избежать периодических краткосрочных и долгосрочных кризисов, связанных с падением прибылей и экономической стагнацией. Однако, как заметил Маркс 150 лет назад, у капитализма есть внутренние механизмы — понижение уровня зарплат, реорганизация производства, массовые банкротства — которые позволяют ему оправляться от кризисов. Не будет никакого «последнего» экономического кризиса капитализма — этот строй может быть только низвергнут.

Что мы понимаем под текущим финансовым обвалом? Очевидно, что непосредственным спусковым механизмом для кризиса послужил коллапс на ипотечном рынке в сегменте *subprime*^{*}, хотя, как считает Дуг Хенвуд, он составлял максимум четверть всего ипотечного рынка, и только 10–15% таких займов могут подвергнуться дефолту. Дерегуляция финансового сектора, начатая при Рейгане и Буше–старшем и завершенная при Клинтоне, привела к бурному росту финансовых деривативов (хеджевых фондов; облигаций, обеспеченных ипотеками и т.д.) с

Чарльз Пост - преподаватель социологии и активист профсоюза в Городском Университете Нью-Йорка, активист социалистического движения "Solidarity".

*Так обозначается категория заемщиков с плохой кредитной историей.

незначительной долей реального капитала, инвестируемого в строительство, машины и оборудование, товары и услуги («реальную экономику»).

Но рост и коллапс фиктивного капитала — то, что Маркс назвал «обращением прав собственности» — особенность любого экономического цикла при капитализме. После того, как экономический цикл проходит свой пик, капиталисты ищут новые возможности для выгодных инвестиций. Поскольку рентабельность в производстве товаров и услуг снижается, капитал перетекает в финансовые инструменты, которые претендуют на будущие, еще не созданные прибыли — спекулятивные ставки, в расчете на то, что экономика продолжит свой рост. Финансовые мыльные пузыри неизбежно лопаются, так как замедляющийся экономический рост в «реальной экономике» уменьшает стоимость активов, например, недвижимости, на которые опирается фиктивный капитал. Итоги до боли знакомы — паника инвесторов, резкое падение цен на акции и другие финансовые инструменты, и приливная волна банкротств в финансовом секторе.

Мы были свидетелями целого ряда подобных финансовых кризисов за последние 25 лет – крах на Фондовой бирже в 1987 г., коллапс ссудо–сберегательных ассоциаций в конце 1980–х — начале 1990–х гг., лопнувший пузырь «dot-com»* в начале 2000–х гг.

*Интернет–компания (дот–ком), т.е. компания, ведущая бизнес в Интернете. Название образовано от английского прочтения окончания большинства интернет–адресов таких компаний: точка по–английски называется dot, а расширение, которое имеют интернет–адреса, com.

Однако ни один из этих финансовых кризисов не вызывал общего коллапса инвестиций и производства в «реальной экономике» в виде глубокой рецессии и даже полномасштабной депрессии. С помощью вливаний денежных средств капиталистического государства финансовый сектор стабилизировался, и рост, как в «реальной экономике», так и на Уолл-стрит, возобновлялся после каждой из таких паник.

В конечном счете, присущая «реальной» капиталистической экономике жизнеспособность смягчала воздействие этих финансовых паник. В начале и середине 1980–х гг. волна банкротств, слияний и поглощений ликвидировала фирмы с устаревшим оборудованием и производственными методами (обесценила капитал). Последовавшее расширение «бережливого производства»* товаров и услуг увеличило производительность труда (уровень эксплуатации). Неолиберальная политика капиталистических государств дерегулировала рынки труда и капитала, гарантировав, что большинство корпораций приобретут «спортивную форму», и одновременно обеспечила рост транснационального серийного производства, которое связало трудоемкое, относительно дешевое производство глобального Юга с капиталоемким, относительно дорогим производством глобального

*Концепция менеджмента, обобщающая опыт «Тойоты» и ряда других компаний. Целью такого производства является достижение минимальных затрат труда, минимальных сроков по созданию новой продукции, гарантированной поставки продукции заказчику точно в срок при минимальной стоимости.

Севера («глобализация»). Результатом был стремительный рост прибылей в США и во всем капиталистическом мире в 1980–х и 1990–х гг.

Растущие на протяжении последней четверти 20 века прибыли породили «длинную волну» накопления капитала. В отличие от 1960–х и 1970–х гг., рецессии были, как правило, непродолжительными и не приводили к серьезному спаду производства и увеличению безработицы. Свойственная капиталистическому накоплению «жизнеспособность» (за которую мы платили своими рабочими местами, зарплатами, льготами и условиями труда) уменьшила продолжительность и глубину финансового кризиса в начале 2000–х гг.

Нынешний финансовый кризис появился на горизонте, когда стало очевидно, что США и глобальная капиталистическая экономика вступают в новую полосу длительной стагнации. Быстрый рост инвестиций в «реальную экономику», увеличение капитализации и механизации производства в течение длительного бума последней четверти 20 века, теперь обратились в свою противоположность, - длительный период сокращения прибылей и застойного накопления капитала.

В контексте нового долгосрочного падения рентабельности, обвал, начавшийся в сегменте *subprime* ипотечного рынка и проникший в сердце Уолл-стрит, грозит более серьезными последствиями для капитала. Банкротства или близость к ним Bear Stearns, AIG, других фирм, и нестабильность на фондовом рынке

являются «аварийным сигналом», возвещающим об острой и глубокой рецессии. Если финансовые банкротства приведут к несдерживаемому, полномасштабному коллапсу производства на уровне 1929–31 гг., может начаться новая Великая депрессия.

Полномасштабная депрессия, однако, маловероятна. Обоснованный страх капиталистов перед политическим эффектом депрессии приводит и демократических, и республиканских политиков к мысли отвергнуть некоторые ортодоксальные неолиберальные стратегии и поддержать, после ряда грязных политических сделок, совершенных с оглядкой на гнев масс, план Буша по выделению 700 млрд. долл. для спасения прежних инвестиционных банков (которые теперь трансформировались в многоцелевые банки) и страховых компаний. Эта субсидия, а также временный и частичный возврат к государственному регулированию, вероятно стабилизирует финансовый сектор и уменьшит, но не предотвратит, глубокую и длительную рецессию. Между тем, другие корпоративные игроки выстраиваются перед кормушкой для дележа щедрого правительственного «кейнсианского» подарка, в особенности бывшая «большая тройка» автомобильных компаний*.

Капиталу придется заплатить за эту помощь. Хотя политически губительного экономического краха удастся избежать, причина, лежащая в основе падения рентабельности, — избыточный *основной капитал* — сохранится и после оказания помощи

* «Даймлер–Крайслер», «Форд» и «Дженерал моторс».

финансовому сектору. В результате, прибыли после рецессии останутся слишком низкими, чтобы поощрять существенные новые инвестиции в производство товаров и услуг. В то же самое время, массивное вливание капиталистическим государством наличности в банковскую систему, обеспеченное ростом федерального дефицита, увеличит денежную массу. Вероятным результатом будет слишком большое количество денег при небольшом количестве товаров, что означает новую волну инфляции.

Президент США, избранный в ноябре 2008 г., по-видимому, столкнется с той же «стагфляцией» — сочетанием ценовой инфляции и экономической стагнации — с которой Никсон, Форд и Картер боролись в течение 1970–х гг. Главным последствием текущего кризиса будет жестокая атака на материальное благосостояние рабочего класса. Революционные левые могут только надеяться, что возвращение стагфляции также приведет к возрождению массовой борьбы рабочего класса, как это было в прошлые десятилетия.

Нынешний кризис актуализировал для левых активистов несколько важных моментов. Во-первых, план Конгресса приватизирует доходы и обобществляет убытки от текущего спекулятивного безумства. Но если и есть кто-то, кто должен извлечь выгоду от вмешательства государства, так это простые граждане, в особенности миллионы семей, рискующие потерять свои дома из-за непомерных выплат по зак-

ладным и недавно ужесточенных законов о банкротстве.

Если денежные ресурсы изыскиваются для покупки и «обобществления» обвалившихся банковских гигантов, то те же самые ресурсы с легкостью могут быть использованы для реструктуризации закладных борющихся за выживание домовладельцев. Деньги найдутся и на программу увеличения рабочих мест, для строительства доступного и энергосберегающего жилья, больниц, школ, а также для налаживания системы общественного транспорта.

Почему бы также не направить часть финансовых средств для защиты государственного пенсионного обеспечения, и для введения системы «единственного плательщика»*, которая гарантирует всеобщее здравоохранение? В конце концов, невыплаты по ипотечным кредитам из-за высокой стоимости медицинских услуг — важнейшая причина банкротств в стране. Система «единственного плательщика» — шаг к стабилизации рынка недвижимости!

Во-вторых, настоящей роскошью, которую не может позволить себе американское общество, являются затраты на иракскую войну, которая в конечном счете обойдется в один-два триллиона долларов, а также затраты на военные базы США в 150 странах, и на увеличение бюджета Пентагона на 6% в 2009 финан-

*Система «единственного плательщика» предусматривает оплату медицинских страховок из государственного бюджета.

совом году, что составит чистыми 621,5 млрд. долл., включая 68,6 млрд. долл. на войны в Ираке и Афганистане (и это не считая всех «чрезвычайных дополнительных» ассигнований, которые потребуют эти империалистические оккупации).

В–третьих, нам необходимо объяснять, почему правительство и капиталистическое государство отзывается на запросы капиталистов, а не на нужды большинства людей. Волна массового гнева против спасения Уолл–стрит вынудила администрацию и лидеров Конгресса дополнить законодательство робким регулированием и ограничением «чрезмерных» окладов топ–менеджеров на фоне растущего неравенства. Эти жесты не могут скрыть тот факт, что во время кризисов государство «социализирует» риски капиталистов, одновременно «приватизируя» самые существенные потребности всех остальных.

Роберт Бреннер

Опустошительный кризис развивается

Нынешний кризис вполне может оказаться наиболее страшным по своим последствиям со времен Великой депрессии. Он демонстрирует острые, нерешенные проблемы в реальной экономике, которые в буквальном смысле замазывались долгами на протяжении десятилетий, и имеет глубину, не виданную со Второй мировой войны.

Сочетание слабости базового накопления капитала и паралич банковской системы — вот что делает крах таким неизбежным для политиков, а его катастрофический потенциал таким серьезным. Повальное лишение права выкупа заложенного имущества и брошенные дома, часто разоренные и очищенные от всего, включая медную электропроводку, — реальность Детройта и других городов Среднего Запада.

Такое бедствие сотен тысяч семей, — возможно, только первый сигнал того, что означает этот капиталистический кризис. Исторические игры на повышение на финансовых рынках в 1980–х, 1990–х и 2000–х гг. с их эпохальным перетеканием доходов и богатства в пользу богатейшего 1% населения отвлекали внимание от долгосрочного ослабления экономик развитых стран. Экономические показатели в США, Западной Европе и Японии — темпы роста производства, капи-

Роберт Бреннер - американский экономист, главный редактор журнала Against the Current, автор книг "Бум и пугерь: США в мировой экономике" и др.

таловложений, занятости и зарплаты — ухудшались десятилетие за десятилетием, от одного экономического цикла к другому, с 1973 г.

Время с начала нынешнего кризиса, который восходит к 2001 г., было самым неблагоприятным. Рост ВВП в США был самым медленным по сравнению с любым периодом начиная с конца 1940-х гг., тогда как прирост основного капитала, а также рабочих мест, на одну треть и две трети соответственно отставали от послевоенных показателей. Реальная почасовая оплата для производственных и неруководящих работников, составляющих около 80% рабочей силы, оставалась примерно на уровне 1979 г.

В Западной Европе и Японии экономический рост также был медленным. Падение экономического динамизма развитых капиталистических стран связано с сильнейшим понижением прибыльности, вызванным, в первую очередь, хронической тенденцией к перепроизводству в мировой промышленности, восходящей к концу 1960-х — началу 1970-х гг. К 2000 г. в США, Японии и Германии норме прибыли в частном секторе все еще предстояло восстановиться, ведь в 1990-х ее показатель не превышал уровень 1970-х гг.

С сокращением доходности фирмы получали меньше прибыли для вложения в основной капитал, а также меньше стимулов к расширению. Постоянное снижение прибыльности с 1970-х гг. привело - в развитых капиталистических экономиках - к устойчивому уменьшению доли капиталовложений по отношению к

ВВП, а также к неуклонному сокращению темпов производственного роста, ухудшению состояния средств производства и уровня занятости.

Долгий спад в накоплении капитала, как и снижение заработной платы в корпорациях для восстановления нормы прибыли, вместе с сокращением правительствами социальных расходов для повышения капиталистических прибылей — все это привело к замедлению роста капиталовложений, потребительского и государственного спроса, и, таким образом, к падению спроса в целом. Слабость совокупного спроса, являющаяся, в конечном счете, следствием сокращения доходности, долгое время служила главным барьером для роста в развитых капиталистических экономиках.

Чтобы противостоять постоянному ослаблению совокупного спроса, правительства, ведомые США, фактически не имели иного выбора, кроме как набирать еще более крупные долги, с помощью все более разнообразных и причудливых способов, для поддержания экономики на плаву. Сначала, в течение 1970–х и 1980–х гг., государства были вынуждены пойти на еще больший бюджетный дефицит для поддержания роста. Но, сохраняя экономику относительно стабильной, этот дефицит также усиливал ее стагнацию: за каждое заимствование приходилось расплачиваться уменьшением роста ВВП.

От урезания бюджета к экономике «мыльных пузырей».

В начале 1990–х гг. США и Европа, ведомые Биллом Клинтонем, Робертом Рубином и Аланом Гринспеном (которые руководствовались неолиберальным подходом - приватизация и сокращение социальных программ), стремились преодолеть стагнацию с помощью сбалансированного бюджета. И хотя указанный факт не казался важным в большинстве публикаций того времени, этот драматический сдвиг привел к обратным результатам.

Поскольку восстановить прибыльность по-прежнему не удавалось, сокращения дефицита, вызванные балансированием бюджета, нанесли колоссальный удар по совокупному спросу, в результате чего в первой половине 1990–х гг. Европа и Япония испытали опустошительную рецессию, наихудшую в послевоенное время, а экономика США пережила так называемое «восстановление безработицы». Поэтому с середины 1990–х гг. США были вынуждены прибегать к более мощным и рискованным формам стимулирования спроса, чтобы противостоять тенденции к стагнации. В частности, дефицит госбюджета традиционного кейнсианства был заменен частными дефицитами и раздуванием финансовых активов, что может быть названо экономикой «мыльных пузырей».

Во время огромного подъема фондового рынка в 1990–е гг. корпорации и состоятельные домохозяйства имели невероятный рост доходов от ценных бумаг.

Поэтому у них была возможность обратиться к побивающим все рекорды заимствованиям и на этой основе поддерживать мощное расширение капиталовложений и потребления. Бум так называемой «новой экономики» был прямым выражением раздувшихся курсов акций в 1995–2000 гг. Но, поскольку курсы акций росли вопреки падению нормы прибыли, и поскольку новые капиталовложения усугубляли промышленное перепроизводство, незамедлительно последовал биржевой крах и рецессия 2000–2001 гг., приведшие к падению прибыльности в нефинансовом секторе до самого низкого уровня с 1980 г.

Неудержимые Гринспен и Федеральная резервная система, при поддержке других главных центральных банков, противопоставили новому циклическому спаду еще один круг раздувания курсов акций, что в итоге довело нас до нынешнего состояния. Снижением реальной краткосрочной *процентной ставки* до нуля за три года, они вызвали исторически беспрецедентное количество заимствований домохозяйств, что способствовало взлету цен на жилье.

Согласно журналу «Экономист», «мыльный пузырь» на мировом рынке недвижимости между 2000 и 2005 гг. был крупнейшим в истории, и превзошел даже «мыльный пузырь» 1929 г. Он сделал возможным устойчивый рост потребительских расходов и инвестиций в жилье, что стимулировало подъем экономической активности. Личное потребление и жилищное строительство обеспечивали 90–100% роста амери-

канского ВВП в первые пять лет нынешнего экономического цикла. В тот же самый период один жилищный сектор дал увеличение роста ВВП почти на 50% — 2,3% вместо 1,6%.

Таким образом, вместе с «рейгановским» бюджетным дефицитом при Буше–младшем, рекордные дефициты семейных бюджетов затушевывали реальную незначительность экономического подъема. Рост поддерживаемого заемными средствами потребительского спроса, как и сверхдешевого кредитования в целом, не только оживили американскую экономику, но (прежде всего, подстегивая новый рост импорта и увеличение до рекордного уровня дефицита *текущего платежного баланса*), способствовали впечатляющему глобальному экономическому подъему.

Жесткое давление корпораций

Но, если потребители выполняли свою функцию, нельзя сказать то же самое о частном бизнесе, несмотря на рекордное экономическое стимулирование. Гринспен и Федеральная резервная система раздули пузырь рынка недвижимости, чтобы дать корпорациям возможность освободиться от избыточного капитала и возобновить инвестирование. Но вместо этого, фокусируясь на восстановлении нормы прибыли, корпорации начали оказывать жесткое давление на рабочих. Они усиливали рост производительности, но не столько за счет капиталовложений в оборудование и производственную инфраструктуру, сколько за счет радикального сокращения рабочих мест и усиления

эксплуатации оставшихся работников. Удерживая зарплаты и выжимая все больше с каждого человека, они присваивали себе в форме прибыли исторически беспрецедентную долю роста, который имел место в нефинансовой части ВВП.

Нефинансовые корпорации в ходе этого подъема значительно подняли свои нормы прибыли, хотя так и не вернулись к уровню 1990–х гг., и без того упавшего по сравнению с предыдущими десятилетиями. Более того, учитывая, что уровень, до которого поднялась норма прибыли, был достигнут лишь посредством увеличения уровня эксплуатации — людей принуждали работать больше и платили им меньше за рабочий час — было понятно, что долго это продолжаться не может. Но улучшая прибыльность посредством отказа от создания рабочих мест, повышения инвестиций и зарплат, американский бизнес удержал рост совокупного спроса и тем самым подорвал свою собственный стимул к развитию.

Одновременно, вместо роста инвестиций, производительности и занятости для увеличения прибыли, фирмы обратились к использованию сверхнизкой стоимости заимствования, чтобы улучшить свое положение и положение своих акционеров. Фирмы делали это путем финансовых манипуляций — погашая свои долги, выплачивая дивиденды и покупая свои собственные акции для поднятия их стоимости. Также помогла гигантская волна слияний и поглощений. В США, в течение последних четырех или пяти лет, как

дивиденды, так и обратный выкуп акций* в качестве части нераспределенной прибыли**, достигли самого высокого уровня за послевоенную эпоху. То же самое происходило в экономике других стран — в Европе, Японии и Южной Корее.

Лопящиеся пузыри

Суть дела заключается в том, что в США и во всем развитом капиталистическом мире начиная с 2000 г., мы были свидетелями самого медленного роста реальной экономики со Второй мировой войны и величайшей экспансии финансовой, или «бумажной» экономики в американской истории. Не обязательно обращаться к марксисту, чтобы понять — так больше продолжаться не могло.

Конечно, как только лопнул пузырь фондового рынка 1990–х гг., постепенно лопнул и пузырь рынка недвижимости. В результате, фильм об экономическом подъеме, стимулируемом рынком недвижимости, который мы видели в течение последнего циклического роста, сейчас перематывается в обратную сторону.

* Выкуп компанией своих собственных акций на открытом рынке; обратный выкуп уменьшает количество акций в обращении, увеличивает доход на акцию и повышает рыночную стоимость бумаг, оставшихся у акционеров.

** Чистая прибыль компании, не распределенная среди акционеров, а направленная в резервы или на другие цели (реинвестированная в бизнес).

Сегодня цены на жилье уже упали на 5% по сравнению с пиком 2005 г., но это только начало. По ряду оценок, к тому времени, когда пузырь рынка недвижимости окончательно лопнет, в начале 2009 г., цены на жилье упадут на 20% в номинальных показателях, и даже больше в реальных показателях. Это, несомненно, наибольший спад в послевоенной американской истории. Как только позитивный для накопления богатства эффект пузыря рынка недвижимости продвигает экономику вперед, негативный эффект краха этого рынка откидывает ее назад. С падением стоимости жилья, домовладельцы уже не могут относиться к своим домам как банкоматам, их заимствования стремительно сокращаются, и поэтому домовладельцы вынуждены меньше потреблять.

Основная опасность заключается в том, что неспособные больше мнимо «экономить» поднятием цен на жилье, американские домовладельцы начнут вдруг действительно экономить, увеличивая личные сбережения, находящиеся сейчас на самом низком уровне в истории, и уменьшать потребление. Понимая, какое влияние окажет лопнувший пузырь рынка недвижимости на покупательную способность потребителей, фирмы сокращают найм работников, в результате чего рост занятости значительно падает с начала 2007 г.

Благодаря нарастающему кризису на рынке недвижимости и снижению занятости, уже во втором квартале 2007 г., текущие к домовладельцам реальные денежные средства, показатель роста которых составлял около 4,4% в 2005 и 2006 г., упали

практически до нуля. Другими словами, если суммировать реальный располагаемый доход* домовладельцев, затраты собственного капитала, заимствования по потребительскому кредиту, выплаты доходов от прироста капитала**, обнаружится, что денежные суммы, которые домовладельцы обычно имели для расходов, прекратили расти. Еще до того, как летом 2007 г. грянул финансовый кризис, экономический подъем уже был на исходе.

Факторов, чрезвычайно осложняющим экономический спад и делающим его настолько опасным, является, конечно, крах рынка высокорискованной ипотеки, который был напрямую порожден пузырем рынка недвижимости. Механизмы, связывающие неразборчивую ипотеку, выдававшуюся в колоссальных масштабах, массовое лишение права выкупа жилья, коллапс рынка ценных бумаг, который поддерживался высорискованными ипотечными кредитами, и кризис крупных банков, которые непосредственно владели огромным количеством этих ценных бумаг, требуют отдельного разговора.

В заключение можно лишь сказать, что, поскольку убытки банков столь реальны, уже огромны, и, по—

*Доход, которым располагает лицо после уплаты налогов, взносов в фонды социального страхования и других вычетов.

** Суммы, выплачиваемые инвестиционным фондом своим вкладчикам при распределении доходов от прироста капитала.

видимому, будут увеличиваться, причем в условиях дальнейшего обострения экономического спада, перед экономикой встает перспектива, беспрецедентная для послевоенного периода, — замораживание кредитов в разгар скатывания в рецессию. Борьба с неизбежно тяжкими последствиями будет крайне тяжела для властей.

,

Мишель Хуссон

Системный кризис, затяжной и глобальный

1. Как вы воспринимаете изменения в финансовой системе за последние 25 лет? Как нам следует оценивать текущий кризис в свете этих перемен в финансовой системе, и как нам следует оценивать эти перемены в свете кризиса?

Трансформации в финансовой системе следует анализировать на основании двух фундаментальных тенденций, существующих с начала 1980–х.

Во–первых, это тенденция к повышению степени эксплуатации: почти везде в мире доля произведенного богатства, приходящаяся на наемных работников, снизилась, и развивающиеся экономики здесь не исключение. Даже МВФ и Еврокомиссия регистрируют сейчас этот факт.

Благодаря такому падению доли заработной платы с середины 1980–х происходило впечатляющее восстановление нормы прибыли.

Однако, — и с этим связана вторая тенденция, — норма производственного накопления продолжала колебаться на уровне меньшем, чем до кризиса. Иными словами, то, что вычиталось из зарплат, не вкладывалось в инвестиции.

Мишель Хуссон - французский экономист, автор книги "Critique de la marchandisation" и др .

«Теорема Шмидта», выведенная германским канцлером Гельмутом Шмидтом в начале 1980-х, состоящая в том, что сегодняшняя прибыль это завтрашние инвестиции и послезавтрашние рабочие места, не сработала.

Растущая прибавочная стоимость, которая не накапливалась, распределялась по большей части в форме финансовых доходов, и именно в этом нужно видеть источник процесса финансиализации. Разница между нормой прибыли и нормой инвестиций — хороший индикатор степени финансиализации.

Можно видеть также, что увеличение безработицы и неустойчивой занятости соседствует с ростом финансовой сферы. Этому тоже есть простое объяснение: финансы успешно сохраняли за собой большую часть прибыли от возравставшей производительности, путем сдерживания роста зарплат и замораживания или даже увеличения рабочих часов, что бьет по наемным работникам.

Таким образом, отношения между производительным капиталом и финансовым капиталом серьезно изменились, и потребность в сверхприбыли отразилась, путем обратной связи, на условиях эксплуатации.

Поэтому мы не должны принимать «финансиалистский» взгляд на современный капитализм, который видит в автономной тенденции к финансиализации угрозу нормальному функционированию «хорошего» индустриального капитализма. Это означало бы искус-

ственно отделить роль финансов от классовой борьбы за прибавочную стоимость.

Мы должны корректно формулировать анализ этого феномена: когда доля прибыли поднимается благодаря отсутствию роста зарплат, без воссоздания условий накопления прибыли, финансы берут на себя функциональную роль в собственном воспроизводстве, находя каналы финансового распределения в качестве альтернативы экономическому спросу со стороны наемных работников.

Этот подход подтверждается, если рассмотреть глобализацию. В складывающейся структуре мирового рынка финансы играют роль упразднения, насколько это возможно, различий между пространствами валоризации. Великая сила финансового капитала состоит в том, что он игнорирует географические или секторальные барьеры, поскольку способен быстро передвигаться из одной экономической зоны в другую или из одного сектора в другой: передвижения капитала могут разворачиваться на весьма большом пространстве.

Функция финансов здесь — в обострении законов конкуренции за счет того, что перемещения капитала становятся более подвижными.

Перефразируя слова Маркса о труде, мы можем сказать, что глобализированные финансы это процесс конкретной абстракции, который ставит каждый индивидуальный капитал под действие закона стоимости,

чье поле действия непрерывно расширяется. Принципиальная черта современного капитализма, таким образом, не в противоречии между финансовым капиталом и производительным капиталом, а в сверхконкуренции между капиталами, порожденными финансовой специализацией.

2. Марксисты привычно считают норму прибыли ключевым показателем развития капитализма. Но, по некоторым оценкам, повышение нормы эксплуатации принесло значительное восстановление нормы прибыли с 1980-х. Вы согласны с этим утверждением?

Анализ текущего кризиса должен, безусловно, начинаться с изучения развития нормы прибыли.

После общих рецессий 1974–75 и 1980–82 гг. началась новая фаза функционирования капитализма, которую для удобства называют неолиберальной. Настоящим поворотным пунктом было начало 1980-х. Фундаментальная тенденция в сторону повышения уровня эксплуатации, наконец, проявилась в полной мере, что привело к постоянному увеличению нормы прибыли.

Марксиста, привыкшего размышлять о тенденции к падению нормы прибыли, такой поворот может озадачить. Конечно, можно обойти это затруднение, попытавшись показать, что если правильно измерить норму прибыли, то в итоге обнаружится тенденция к ее падению. Но такие усилия недостаточно теоретически обоснованны и, хотя у меня нет возможности

обсуждать это здесь в деталях, я полагаю, что традиционный аргумент о тенденции к падению нормы прибыли ошибочен.

Мы поймем больше, если сосредоточимся на фундаментальной характеристике неолиберальной фазы, более или менее беспрецедентной в истории капитализма: восстановление нормы прибыли не привело к одновременному подъему нормы производственного накопления. Норма производственного накопления, если взять среднее по разнообразным колебаниям, и исключить эпизод с «новой экономикой» в США, осталась на относительно низком уровне.

Если мы начинаем анализ исходя из марксистских схем воспроизводства, мы видим проблему реализации, поскольку ни экономический спрос наемных работников, ни накопленная прибавочная стоимость, не поднимаются до уровня общественного продукта. Решение этой проблемы основано на повторном использовании ненакопленной прибавочной стоимости через финансиализацию экономики.

Это краткое описание возвращает нас обратно к двум основным пунктам. Во-первых, эта финансиализация не является автономным фактором, а является логическим завершением снижения доли заработной платы и недостатка достаточно прибыльных возможностей для инвестирования. Во-вторых, что увеличение социального неравенства (как внутри каждой страны, так и между зонами мировой экономики) есть существенная черта современного капитализма.

3. Финансовый кризис порой приводит к кризису производства и торговли, но не всегда. Текущий финансовый кризис случился в период в целом высокой нормы прибыли. Считаете ли вы, что он, тем не менее, приведет к серьезному кризису в производстве и торговле, и каким образом?

Текущий кризис это не просто финансовый кризис — он ставит под сомнение тип роста в США и всю конфигурацию мировой экономики.

В США рост базировался на импульсе со стороны потребления, поддерживаемом постоянным падением норм сбережений домохозяйств. Это был отчасти рост кредита, который предполагал приток капитала из остального мира для финансирования внешнеторгового дефицита, связанного с недостатком внутренних сбережений.

К этому можно добавить дефицит бюджета, объясняемый по большей части расходами на вторжение в Ирак.

Таким образом, эта модель развития основана на двойном дисбалансе — внутреннем и внешнем. Финансы играют важную роль в управлении обоими видами дисбаланса. На внутреннем уровне, именно финансы сделали возможным рост долга, особенно на ипотечном рынке. На внешнем уровне финансы имеют функцию поддержки платежного баланса.

Текущий кризис ставит под вопрос такой режим накопления. Долги домохозяйств заморожены, и приток капитала уже не гарантирован. Следовательно, финансовый кризис, возможно, приведет к рецессии в США или, по крайней мере, к долговременному замедлению роста.

Перейдет ли это замедление на экономику других стран? Сейчас идет разговор о «расщеплении» — в том смысле, что рост развивающихся экономик может поддерживать мировой спрос в достаточной степени для того, чтобы влияние экономики США было ограниченным. Но здесь не принимается в расчет переплетенность мировой экономики, в которой также играют роль отношения между Европой и США и между Китаем и остальной Азией.

Зависимость Китая от экспорта в США не может быть измерена в простом удельном весе США в общем экспорте Китая. Такой подход означает недооценку перекрестных отношений между Китаем и другими странами Азии.

В Европе экономический рост также замедлится, по трем причинам: очень высокий курс евро по отношению к доллару, цены на импортированное сырье; экономическая политика правительств, не благоприятствующая росту и занятости.

Наконец, кризис может вызвать более внутренне-центричный экономический рост в Китае, снижая его вклад в мировую торговлю.

4. Финансовый сектор существует все больше на индивидуальных доходах, чем на деловых операциях. Как это влияет на последствия кризиса для домохозяйств трудящихся?

По каким слоям общества в наибольшей степени ударит кризис — это большой вопрос. Важно, о какой зоне мировой экономики идет речь. Можно выделить основные линии.

В США кризис рынка недвижимости обречет на бедность значительную часть домохозяйств. В многочисленных развивающихся странах, увеличение цен на продовольствие уже резко повысило число людей, страдающих от недоедания и даже голода. Эти люди расплачиваются за неолиберальную сельскохозяйственную политику, которая концентрировалась на экспорте и разрушала традиционное сельское хозяйство.

В Европе ограничительная монетарная политика Европейского центробанка стремится возложить на покупательную способность наемных работников тяжесть подъема цен на сырье.

Неумолимый кодекс капитализма настаивает, что именно работники должны латать зияющие дыры системы. Чтобы минимизировать потери, очищение экономики неизбежно взвалит на спины трудящихся, затормозив рост, подняв процентную ставку и используя неполадки в мировой экономике как повод снова снизить зарплаты большинству населения.

Согласно последнему отчету Международной организации труда (МОТ), финансовый обвал может привести к пятимиллионному повышению числа безработных в мире в 2008 году — году, «полному контрастов и неясностей», как осторожно назвал его директор МОТ.

Если эти тенденции обострятся, они только ухудшат эффект рецессии сдерживанием спроса. И наоборот, это факт показывает, что выход из кризиса — вопрос в высшей степени социальный.

Во всем мире переход к более упорядоченному росту потребует иного, более эгалитарного распределения доходов, что позволит снизить движение ликвидных средств, которое является одной из главных причин периодического финансового кризиса. Это также позволит снизить интенсивность международной торговли (и, таким образом, кстати, выбросы диоксида углерода), и будет лучшим ответом на социальные нужды.

Пример США, можно сказать, карикатурен по своему чрезвычайному уровню неравенства в распределении доходов. За последние 15 лет только верхние 10–20% населения получили выгоду от экономического роста, и погрузились в бешеное потребление. Чтобы установить стабильный тип роста, необходимо радикальное перераспределение доходов. И здесь мы снова выходим на социальную проблематику.

5. Как вы видите текущее положение капитализма? Он по-прежнему увязает в «глобальном неистовстве», происходящем из 1970-х? Или он развил новую модель обобщенной экспансии?

В терминах манделевской теории длинных волн, мы сталкиваемся с двойственной конфигурацией.

С одной стороны, мы можем сказать, что капитализм преуспел, поскольку он восстановил высокую норму прибыли, в результате чего текущую фазу можно определить как экспансивную.

Но если мы возьмем, как критерий, норму производственного накопления («закон и пророки» капитала, согласно Марксу), мы можем, наоборот сказать, что капитализм завяз в фазе рецессии и динамического упадка. Добавим к этому два экономических элемента: специфическая нестабильность, созданная весом финансов, и как следствие, бесконечные серии кризисов, а также фундаментальный дисбаланс, вносимый внешнеторговым дефицитом США в существующую конфигурацию мировой экономики.

Этот фундаментальный дисбаланс — симптом системного кризиса, который не имеет прецедентов в истории капитализма и проистекает на очень глубоком уровне, ставя под вопрос основные движущие силы этого способа производства.

Источник кризиса — растущая пропасть между социальными нуждами человечества и капиталистическим

способом удовлетворения этих нужд. Общество имеет спрос на товары, которые невозможно производить с максимальной прибылью. Разрыв растет в двух измерениях.

Во-первых, в развитых странах происходит смещение спроса от промышленных товаров (производство которых имеет высокую продуктивность) в сторону услуг, имеющих меньшую продуктивность, и, таким образом, меньшую прибыль в перспективе.

Не появилось новой экономической сферы применения капитала на том месте, которое в предыдущую, «фордистскую» фазу, занимала автомобильная промышленность.

Второе измерение — геоэкономическое, и оно связано с глобализацией. Глобализация ведет к созданию мирового рынка, или, иными словами, расширенного пространства валоризации. Более низкие уровни продуктивности менее развитых секторов экономики вступают в прямой конфликт с требованиями прибыльности, возникающими в результате деятельности наиболее конкурентных стран или бизнес-структур. Результаты «эффекта вытеснения» состоят в том, что некоторое количество линий производства, которые до некоторых пор успешно отвечали социальным нуждам, становятся неприемлемыми из-за несоответствия критерию сверхприбыльности.

В этих условиях воспроизводство системы происходит двойственным путем: расширение сферы товаров и отказ отвечать на неприбыльные нужды.

Таким образом, современный капитализм есть «чистый капитализм» в том смысле, что в нем сошлись те условия, которые требуются ему самому для оптимального функционирования. Вместо улучшений в социальном обеспечении, чистая и совершенная конкуренция, свободная от ограничений, негибкости и других искажений, показывает свою полную нелегитимность, поскольку социальный регресс есть, безусловно, главное условие успеха системы.

6. По крайней мере с 1970-х гг. среди марксистов преобладало мнение, что США теряют гегемонию. Считаете ли вы, что гегемония США в самом деле в упадке? Или это случится в ближайшем будущем? Если да, то вызовет ли этот упадок общую нестабильность и кризисы в системе?

Гегемония США имела парадоксальную особенность — она базировалась на импорте, а не экспорте капитала, в противоположность всем классическим определениям империализма.

Ни одна другая страна не была бы способна, имея такой внешнеторговый дефицит, избегать валютного кризиса; и, конечно, благодаря позиции как доминирующей силы США могли позволить себе в недавнее время падение курса доллара.

Мы можем говорить об «имперском падении доллара» в том смысле, что в последнее время сила США измерялась слабостью их валюты. Кроме того факта, что доллар функционировал как мировая валюта, у этой

ситуации были некоторые более объективные основания: стабильность финансовых инвестиций, особенно долгосрочных казначейских обязательств, и относительно благоприятное финансовое состояние.

Но постоянный приток капитала может также быть объяснен, с середины 1990-х, повышением производственных прибылей в США. Этот феномен, казалось, означает восстановление главенства США в производственной сфере как таковой, в качестве динамической площадки инноваций и, следовательно, прибыльности. Это было основой «новой экономики» и бума фондового рынка, который ей сопутствовал. Вот почему так важен ответ на вопрос — скачок производительности сформировал материальную базу для новой фазы экспансии, или высокотехнологичный цикл.

В первом случае, основания гегемонии США будут обновлены на базе объективного производственного рывка. В ретроспективе факты указывают на тезис о высокотехнологичном цикле.

Производительность почасового труда в США на самом деле замедлилась в последние годы, и снизилась до темпа роста менее 2%, сравнимого с показателем в течение трех десятилетий до «новой экономики». Таким образом, «новая экономика» оказывается «интерлюдией», временно восстановившей ритм фазы экспансии, которая закончилась в 1967 г.

7. Считаете ли вы, что разговор в последние годы о подъеме стран BRIC (Бразилия, Россия, Индия, Китай), и возможно также о других странах, таких как Южная Корея, Мексика или ЮАР — это просто поверхностные журналистские домыслы? Или это отражает реальную перемену в капиталистическом раскладе сил в мировом масштабе?

Подъем новых экономик четко показывает основное изменение в конфигурации мировой экономики. Объективный показатель здесь — относительные темпы роста в разных регионах мира.

Но самое разительное изменение — в перестановке потоков капитала, или, иными словами, в том, что развивающиеся экономики стали нетто-кредиторами. Недавняя помощь банкам богатейших стран со стороны финансовых фондов Юга — самое разительное свидетельство.

Мы можем говорить об «эффекте бумеранга» глобализации, который ставит под вопрос классическое понятие империализма, не говоря уже о мейнстримных теориях. Хотя, конечно, по-прежнему существуют огромные зоны «классической» зависимости.

Эта новая конфигурация порождает неопределенность относительно своей среднесрочной устойчивости. По сути, она базируется на активном торговом балансе, который достигнут развивающимися экономиками, причем некоторыми из них — благодаря росту цен на сырье. Главный «виновник» активного сальдо -

торговый дефицит США, нуждающихся в регулярном притоке капитала.

Но в связи с рецессией и падением процентных ставок, а также непрекращающимся падением доллара, у капитала все меньше оснований для нахождения в США. Сегодня именно центральные банки развивающихся экономик финансируют дефицит США, и дело здесь в чисто политическом выборе, который имеет свойство рано или поздно меняться. Объективно центральным банкам лучше держать свои активы в евро, чем в долларах, или, по крайней мере, в хорошо сбалансированной смешанной форме.

Что касается производственного аспекта, причина активного сальдо торгового баланса развивающихся экономик заключается в их экстравертном характере, который предполагает удерживание внутреннего спроса и — для большинства населения — отставание роста покупательной способности от роста экономики. Эта схема весьма зыбкая, и она вызовет социальную борьбу, которая может привести к более внутренне-центрированным типам роста, нечто вроде Южной Кореи, и, следовательно, сокращению активного сальдо.

Но это среднесрочная перспектива, которая не является немедленным выходом из кризиса. Вот почему мировая экономика вступила на неопределенное время в полосу обострения торговых войн и крайне опасных межкапиталистических противоречий.

8. Считаете ли вы, что текущие экономические волнения достигнут такого масштаба, что вызовут кризис в странах BRIC? Как вы оцениваете возможность того, что колоссальный приток капитала в США из Азии и стран-экспортеров нефти иссякнет и это приведет к катастрофическому падению доллара? Произойдет ли это в ходе текущих волнений, или же в ближайшие годы?

Доллар уже достиг исторического минимума и, поскольку его судьба сегодня зависит от позиций центральных банков стран с активным торговым балансом, он вряд ли упадет ниже. Поэтому на дальнейшее падение доллара, которое бы урегулировало платежный баланс США, рассчитывать не стоит.

Доза рецессии, безусловно, неизбежна, как неизбежно, помимо всего прочего, и серьезное замедление роста. С этой точки зрения, основным результатом кризиса, безусловно, должен стать конец того типа развития США, который был создан в рейгановскую эпоху.

Более того, вместо упражнений в прогнозах, скорее стоит поразмыслить о возможных координатах более сбалансированной мировой экономики. Способ сократить сферу глобализированного валютного рынка и снизить глобальные дисбалансы, по своей сути везде одинаков: он состоит в переориентации экономической активности на внутренний спрос, иными словами, на удовлетворение социальных нужд.

Но этот путь требует радикальной постановки под вопрос текущих тенденций нынешнего «чистого капитализма», и даже рецессии будет недостаточно, чтобы такой пересмотр начался. Спонтанные реакции в защиту социальных интересов вызовут обратную реакцию, поскольку классам–собственникам сложно отказаться от крупных и непропорциональных сумм, которые они получают с наемных работников по всему миру.

Допустим, этот год породит очень серьезный спад мировой экономики, который все же не перейдет в общую рецессию. Даже в этом случае 2008 год продемонстрирует, насколько неустойчив баланс мировой экономики и насколько она стоит на грани обвала.

Как мы видели, США будет крайне сложно впредь заставлять весь мир финансировать их глубокий внешнеторговый дефицит, как и надеяться снизить его с помощью бесконечного падения доллара, не усложняя отношений с Китаем и Европой. Структурные дисфункции Евросоюза также обнажатся во всей очевидности. И тип роста развивающихся экономик, полностью зависимых от экспорта, также покажет свои пределы.

Таким образом, 2008 год позволит нам понять социальное содержание текущей конфигурации мировой экономики: ее дисбалансы основаны на глубоко неравноправном характере социальных установок, лежащих в ее основе. В добавление к тем явным отличиям, которые существуют между США, Китаем и

и Европой, эти три великих столпа имеют фундаментальное сходство, состоящее в постоянном снижении доли произведенного богатства, которая остается у тех, кто его производит. Эта тенденция порождает сверхзадолженность и дефицит в США, безработицу в Европе, экспортную ориентацию и перенакопление капитала в Китае.

Другой урок, который мы можем вынести из этой истории, состоит в том, что легитимность капитализма сегодня серьезно подорвана. Успехи, которые он делает, прямо пропорциональны социальному регрессу, который он вызывает, никак не компенсируя его, не предлагая никакого противовеса. Даже если соотношение сил благоприятствует ему, должна быть ясна как минимум одна вещь: проекты, стремящиеся отрегулировать, дисциплинировать или гуманизировать эту систему, в сложившихся обстоятельствах равносильны чистой утопии, в худшем смысле этого слова.

Обобщение*

1. В начале 1970-х прекращается рост корпоративных прибылей, и инвесторы начинают искать новые способы добычи денег.

Снижение корпоративных прибылей в 1970-х положило конец «послевоенному буму» - повышению зарплат, длившемуся со Второй мировой войны. Чтобы поднять прибыли, работодатели начали переносить хорошо оплачиваемые предприятия на территории, не охваченные профсоюзами, в основном, в страны Третьего мира, реорганизуя систему так, чтобы можно было получать больше прибыли с меньшего числа рабочих. Вписанный в систему профсоюзный официоз не смог противостоять этим процессам и шел на бесконечные сделки и компромиссы, благодаря чему корпоративные прибыли были восстановлены. В отсутствие организованной борьбы с оппортунизмом профсоюзов, зарплаты перестали расти и упала покупательная способность наемных работников. Трудящиеся поддерживали свой уровень жизни за счет увеличения рабочих часов, отправляли на работу членов семьи и брали обильные кредиты. Глобализация американского капитализма и рост кредита подпитывали финансовый сектор, который обеспечивал подвижные экономические ресурсы, способные быстро перемещаться и реинвестироваться – чего не скажешь об инвестициях в физические объекты – например, в фабрику или железную дорогу.

*По материалам www.solidarity-us.org

2. Годы политики благоприятствование богатым расшатала систему и спровоцировали системный крах Уолл-стрита.

Федеральная резервная система (через которую правительство регулирует доступность кредита) держала процентную ставку на нулевом уровне несколько лет подряд, стимулируя компании брать ссуды для новых инвестиций. Большая часть этого «легкого кредита» шла на рынок нового жилья, который многие ошибочно считали «надежным» и «безопасным». Однако вина лежит не на отдельных покупателях домов — система «легкого кредита» была порождена политикой правительства. Высокорискованные ипотечные кредиты (с плавающей процентной ставкой) рассчитывались, в первую очередь, на афро–американцев, даже тех, кто мог позволить себе более безопасные займы. Искусственно раздутый спрос на жилищном рынке взвинтил цену, сделав ее намного выше реальной стоимости, которая могла быть оплачена. Компании, предоставлявшие дорогие и зачастую откровенно мошеннические ипотечные кредиты, оказались финансово несостоятельными, а цены на недвижимость начали неумолимо падать. Все больше людей не справлялось с выплатами по кредитам. Группы, ставшие жертвой мошеннической, манипуляторской высокорискованной ипотеки, в первую очередь афро–американцы, теперь обречены на колоссальное обнищание.

3. Дерегуляция рынка и гонка за прибылью усугубили ситуацию.

Обвал рынка недвижимости обанкротил две крупнейшие ипотечные компании США — Fannie Mae и Freddy Mac. Эти компании появились в 1930–х и 1940–х гг. как ответ на жилищный кризис Великой депрессии и предлагали доступное жилье. Видя коллапс этих учреждений и переход контроля над ними к правительству, мы понимаем всю глубину текущего кризиса.

В 1930–е гг. правительство США начало регулировать банковскую систему. Но в 1980–х и 1990–х гг. регулирующие правила были отброшены, чтобы дать возможность крупным корпорациям получать еще больше прибыли. Освободившись от контроля, инвестиционные банки распылили риск «безопасной» ипотечной задолженности по всей мировой экономике. В результате падения цен на недвижимость и распространения общей финансовой нестабильности, банки и фирмы, имеющие дело с крупными долгами, внезапно оказались неспособны занимать средства, которые им были необходимы, чтобы оставаться на плаву. На базисном уровне, банки рухнули из-за того, что давали в долг деньги, которыми на самом деле не обладали.

4. Коллапс Уолл-стрит обнажает не только коррупцию и близорукость, но и фундаментальные проблемы системы.

Этот кризис вызвали не плохие правительства и не коррумпированные банкиры – они лишь ведут себя при нем наихудшим образом. Капиталистическая система требует постоянного роста прибылей, чтобы оставаться на плаву. Но капиталистический рост постоянно подрывает прибыльность. В недавнем обращении к нации по поводу кризиса президент Буш продемонстрировал, что инвесторы и политики, работающие на инвесторов, находятся в одной связке; сначала он похвалил экономическую политику, которая даёт возможность американцам «легко получать кредит» и покупать дома – «иногда в первый раз в жизни», а потом начал жаловаться на «эффект домино», которое и было спровоцировано этими самыми «возможностями» в экономике. Безусловно, и демократы и республиканцы из конгресса всегда имели симпатии к одному и тому же, как бы оно ни называлось – «меньшее правительство» или «приватизация». Политика эта в любом случае заключается в переводе общественного имущества и капитала – принадлежащих всем нам – прямо в руки корпораций и инвесторов, без отдыха гонящихся за прибылью. Буш, долгое время веривший в «свободное предпринимательство» и «малые правительства» теперь взывает к «серьезнейшей деятельности государства» в виде колоссальной передачи денег налогоплательщиков непосредственно в частные руки. Поскольку этот кризис был спровоцирован рынком, никакого

«решения» основанного на рынке – будь то «покупайте американские товары», «поддерживайте малый бизнес» или «усилим регулирование» в конечном счете не помогут решить проблему.

5. Нам необходимо мощное социальное движение, способное бороться за перераспределение прибылей, а также четкое понимание того факта, что проблема состоит в капитализме как таковом.

Из предыдущих кризисов, таких, как Великая Депрессия, мы знаем, что капитализм постоянно душит сам себя – но одновременно проявляет удивительную гибкость и выживаемость (особенно при выработке правительственного плана помощи!). На самом деле, эпохи опустошения для простых людей зачастую дают корпоративным инвесторам отличную возможность заново упрочить свою власть и поднять прибыли; мы видели подобные случаи недавно в Новом Орлеане и в Ираке, а в большем масштабе - в Европе после Второй мировой войны. Система не обрушится сама по себе; напротив, разрушительный кризис и война открывают пространство для нового капиталистического роста и больших прибылей для верхушки - так сорняк вырастает в лесу после пожара. Но в интересах человечества и планеты общество не может и дальше основываться на прибыли. Коллапс «чудесной» финансовой системы снова показывает нам значение реального, продуктивного труда в обществе. Легко вообразить мир без людей в полосатых костюмах, орудующих огромными суммами на экране компьютера – гораздо сложнее представить мир без

тех, кто производит пищу, одежду, жильё и другие вещи первой необходимости; тех, кто учит и лечит людей, тех, кто перевозит их из одного места в другое. Это базовое противоречие заставляет революционных социалистов полагать, что другое общество возможно. Большинство людей в обществе не заинтересованы в продлении существующего status quo – и, если им удастся объединиться, они смогут низвергнуть незначительное меньшинство, живущее за их счет.

ГЛОССАРИЙ

Дериватив

Финансовый инструмент, стоимость которого зависит от цены базового актива, валюты или другого финансового инструмента.

Дефолтный своп

Соглашение, по которому кредитор обязуется периодически уплачивать определенную сумму другому лицу, а данное лицо обязуется выкупить у кредитора кредитное обязательство третьего лица, в случае если третье лицо (заемщик) не погасит данное кредитное обязательство в срок. По сути, является страхованием кредитора от кредитного риска.

Инсайдерская сделка

Незаконная операция с ценными бумагами на основе внутренней информации о деятельности компании.

Короткая продажа

Продажа ценных бумаг при отсутствии их у продавца в надежде на снижение цен и возможность купить нужное ему количество по более низкой цене.

Норма прибыли

Отношение массы прибыли к авансированным затратам, состоящим из стоимости средств производства и расходов на заработную плату.

Основной капитал

Активы, приобретаемые компанией для длительного пользования: здания, машины, оборудование, земля.

Процентная ставка

Плата за кредит в процентном выражении к сумме кредита.

Текущий платежный баланс

Разница между суммами экспорта и импорта.

Фьючерсный контракт

Соглашение о будущей купле–продаже ценных бумаг или товара по заранее согласованной цене.

Хеджевый фонд

Инвестиционный фонд, использующий технику хеджирования для ограничения риска потерь. Обычно имеются в виду спекулятивные фонды, использующие производные финансовые инструменты (деривативы) и нацеленные на получение максимальной прибыли при любых условиях.

Хеджирование

Включение в инвестиционный портфель производных финансовых инструментов, доходность которых противоположна доходности основных активов портфеля; используется для того, чтобы ограничить потери при неблагоприятном развитии ситуации, при этом снижение риска портфеля достигается за счет снижения его ожидаемой доходности.

**Объяснение кризиса капитализма —
вопросы и ответы 3**

Чарльз Пост.

***Их кризис, наши выводы: повторение 1931
года? 21***

Роберт Бреннер

Опустошительный кризис развивается 29

Мишель Хуссон

Системный кризис, затяжной и глобальный 40

Обобщение 58

Глоссарий 64